

воздействовать на аудиторию и какими высочайшими эстетическими побуждениями движим Бене в бесконечных своих поисках...

Мне думается, что наши гости не вполне достигли своей цели. Одно дело — интересные, хотя порой и путанные, комментарии к искусству, и совсем другое — само это искусство, явленное воочию зрителям. На сей раз оно оказалось таким загадочным и странным.

История любви-поединка величайшего героя древней Эллады Ахилла и царицы амазонок Пентесилеи, некогда поведанная Гомером, а затем Клейстом, стала всего лишь отдаленным поводом для работы Бене, предлогом для одной на весь спектакль мизансцены. Вот она: малоподвижный и монументальный, обряженный в черное и резко загримированный Ахилл, этакое «священное чудовище» из числа приз-

ни, сводятся к элементарным перемещениям в пространстве. Все эти действия продлеваются Кармело Бене с какой-то, я бы сказал, обескураживающей уверенностью, что все, что ни происходит на сцене, заслуживает самого пристального внимания зрителей уже по одному тому, что порождено фантазией артиста, нашло приют на театральных подмостках. Такой беспредельной вере в театр можно было бы позавидовать, если бы все эти фрагменты в конце концов складывались в некое единство, тяготея хотя бы к ритуалу. Ничуть не бывало.

Да, Кармело Бене — мастер. Диапазон его голосовых возможностей огромен, пластика выразительна, постановочная изобретательность, при некоторой общей вялости, подчас непревзойдима. Но почему же тогда на его спектакле возникает стойкое ощущение пустоты и не в возвышенно-философском и метафизическом, но в самом прямом, полном и непосредственном значении этого слова?

Может быть, потому, что Бене так влюблен в свой «театр без спектакля», что не замечает, как его искусство обращается в некое, по слову вполне доброжелательного критика, «выпадение в неорганическую материю, освобождение от трагедии, ликование без чело- века»? Может быть, оттого, что Бене один из тех «постмодернистов», которые и через срок с лишним лет после расцвета творчества Беккета и сегодня готовы видеть след за ним цель творчества в «молчании, изгнании, мастерстве»? Может быть, это к Кармело Бене относится строка Мандельштама: «Я слово позабыл, что я хотел сказать...», — и он невольно носит в себе трагедию стареющей культуры, утраченных целей, растрченных сил, нарастающей духовной усталости?

Как бы то ни было, спектакль, показанный под занавес фестиваля итальянского театра, произвел на меня впечатление тягостное. Если это и Дали, то сведенный к ребусу, лишенный темперамента, колорита, многозначности и мощной ассоциативности. Если это и пародия, то пародия тотальная, объектом которой являются весь мир и сама человеческая жизнь, а также театр, вообще творчество и возможность общения людей с помощью искусства.

А. ЯКУБОВСКИЙ.

Этот загадочный Кармело Бене...

Разумеется, мы слышали об одном из лидеров итальянского театрального авангарда 70-х годов Кармело Бене, кое-что читали о его знаменитых постановках «Пиноккио» и «Адельгиз», «Отелло» и «Макбет», «Ромео и Джульетта» и «Лорензаччо». Но разве этих обрывков сведений достаточно для того, чтобы понять (я уж не говорю — по достоинству оценить!) показанный в рамках фестиваля итальянского театра в нашей стране спектакль Бене «Пентесилея». Момент поиска. Ахиллиада?

Уместной оказалась импровизированная конференция, проведенная до и после спектакля критиками, верными истолкователями творчества знаменитого актера и режиссера, специально прибывшими в Москву из Парижа и Турина. Хотя наши гости вполне искренне заверяли, что искусство Кармело Бене лишено какого бы то ни было «послания», обращенного к зрителю, они все же предприняли попытку разъяснить публике, что же такое «театр без спектакля», творимый мастером, как он должен

раков, все еще населяющих ослабевшую память человечества, неотлучно находится рядом с ложем, на котором возлежит поверженная им Пентесилея — устрашающая на вид механическая кукла в белоснежном подвенечном платье, с остановившимися навзничь глазами и обрубками рук.

Этот своего рода мертвый «фетиш» время от времени приводится в движение «живым» актером — то приставает со скрипом, то со скрипом же откидывается навзничь. Ахилл же то держит бесконечную паузу, прерываемую рокотом моря, то начинает старательно и безуспешно прилаживать к обрубку руки Пентесилеи явно не принадлежащую ей кисть (благо, возвышение, на котором расположились «герои», в избытке усеяно всякого рода «фрагментами» многих человеческих тел), то, наконец, оглашает окрест стенаниями, смысл которых сугубо темен, звуковая же партитура разработана и осуществлена поистине виртуозно.

Все перемены, отмечающие движение спектакля во време-